

А вот то будет, что и нас не будет.

Пушкин, 1830

*(Проект эпитафии
к "Повестям Белкина")*

Имя Пушкинского Дома

Академии наук!

Звук понятный и знакомый,

Не пустой для сердца звук!..

Блок, 1921

Содержание

Что делать? (Пролог, или Глава, написанная позже остальных)	9
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ОТЦЫ И ДЕТИ. Ленинградский роман	15
Отец	17
Отдельно о Диккенсе	37
Отец (Продолжение)	44
Отец отца	55
Отец отца (Продолжение)	72
Версия и вариант	100
Наследник (Дежурный)	119
Приложение. Две прозы	133
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. Герой нашего времени. Версия и вариант первой части	147
Фаина	153
Фаталист (Фаина — продолжение)	191
Альбина	197
Любаша	216
Миф о Митишатъеве	221
Версия и вариант	239
Г-жа Бонасье (Дежурный)	252
Приложение. Профессия героя	259

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. Бедный всадник. Поэма

<i>о мелком хулиганстве</i>	285
Дежурный (Наследник — продолжение)	290
Невидимые глазом бесы	310
Маскарад	327
Дуэль	333
Выстрел (Эпилог)	363
Версия и вариант (Эпилог)	371
Утро разоблачения, или Медные люди (Эпилог)	381
<i>Приложение. Ахиллес и черепаха</i>	395
<i>Комментарии</i>	413

Что делать?

Пролог, или Глава,
написанная позже остальных

Поутру 11 июля 1856 года прислуга одной из больших петербургских гостиниц у станции Московской железной дороги была в недоумении, отчасти даже в тревоге.

Н.Г. Чернышевский, 1863

Где-то, ближе к концу романа, мы уже пытались описать то чистое окно, тот ледяной небесный взор, что смотрел в упор и не мигая седьмого ноября на вышедшие на улицы толпы... Уже тогда казалось, что эта ясность недаром, что она чуть ли не вынуждена специальными самолетами, и еще в том смысле недаром, что за нее вскоре придется поплатиться.

И действительно, утро восьмого ноября 196... года более чем подтверждало такие предчувствия. Оно размывалось над вымершим городом и аморфно оплывало тяжкими языками старых петербургских домов, словно дома эти были написаны разбавленными чернилами, бледнеющими по мере расцвета. И пока утро дописывало это письмо, адресованное когда-то Петром “назло надменному соседу”, а теперь никому уже не адресованное и никого ни в чем не упрекающее, ничего не просящее, — на город упал ветер. Он упал так плоско и сверху, словно скатившись по некой плавной небесной кривизне, разогнавшись необыкновенно и легко и пришедший к земле в касание. Он упал, как тот самый самолет, налетавший... Словно самолет тот разросся, разбух, вчера летая, пожрал всех птиц, впитал в себя все прочие эскадрильи и, ожирев металлом и цветом неба, рухнул на землю,

еще пытаясь спланировать и сесть, рухнул в касание. На город спланировал плоский ветер, цвета самолета. Детское слово “Гастелло” — имя ветра.

Он коснулся улиц города, как посадочной полосы, еще подпрыгнул при столкновении где-то на стрелке Васильевского острова и дальше понесся сильно и бесшумно меж отсыревших домов, ровно по маршруту вчерашней демонстрации. Проверив таким образом безлюдье и пустоту, он вкатился на парадную площадь, и, подхватив на лету мелкую и широкую лужу, с разбегу шлепнул ею в игрушечную стенку вчерашних трибун, и, довольный получившимся звуком, влетел в революционную подворотню, и, снова оторвавшись от земли, взмыл широко и круто вверх, вверх... И если бы это было кино, то по пустой площади, одной из крупнейших в Европе, еще догонял бы его вчерашний потерянный детский “раскидайчик” и рассыпался бы, окончательно просырев, лопнул бы, обнаружив как бы изнанку жизни: тайное и жалостное свое строение из опилок... А ветер расправился, взмывая и торжествуя, высоко над городом повернул назад и стремительно помчался по свободе, чтобы снова спланировать на город где-то на Стрелке, описав нечто, нестеровскую петлю...

Так он утюжил город, а следом за ним, по лужам, мчался тяжелый курьерский дождь — по столь известным проспектами набережным, по взбухшей студенистой Неве со встречаемыми рябеющими пятнами противотечений и разрозненными мостами; потом мы имеем в виду, как он раскачивал у берегов мертвые баржи и некий плот с копром... Плот терся о недобитые сваи, мочаля сырую древесину; напротив же стоял интересующий нас дом, небольшой дворец — ныне научное учреждение; в том доме на третьем этаже хлопало распахнутое и разбитое окно, и туда легко залетал и дождь, и ветер...

Он влетал в большую залу и гонял по полу рассыпанные повсюду рукописные и машинописные страницы — несколько страниц прилипло к луже под окном... Да и весь вид этого (судя по застекленным фотографиям и текстам, развешан-

ным по стенам, и по застекленным же столам с развернутыми в них книгами) музейного, экспозиционного зала являл собою картину непонятного разгрома. Столы были сдвинуты со своих, геометрией подсказанных, правильных мест и стояли то там, то сям, вкривь и вкось, один был даже опрокинут ножками вверх, в россыпи битого стекла; ничком лежал шкаф, раскинув дверцы, а рядом с ним, на рассыпанных страницах, безжизненно подломив под себя руку, лежал человек. Тело.

На вид ему было лет тридцать, если только можно сказать “на вид”, потому что вид его был ужасен. Бледный, как существо из-под камня — белая трава... в спутанных серых волосах и на виске запеклась кровь, в углу рта заплесневело. В правой руке был зажат старинный пистолет, какой сейчас можно увидеть лишь в музее... другой пистолет, двуствольный, с одним спущенным и другим взведенным курком, валялся поодаль, метрах в двух, причем в ствол, из которого стреляли, был вставлен окурок папиросы “Север”.

Не могу сказать, почему эта смерть вызывает во мне смех... Что делать? Куда заявить?..

Новый порыв ветра захлопнул с силой окно, острый осколок стекла оторвался и воткнулся в подоконник, осыпавшись мелочью в подоконную лужу. Сделав это, ветер умчался по набережной. Для него это не было ни серьезным, ни даже заметным поступком. Он мчался дальше трепать полотнища и флаги, раскачивать пристани речных трамваев, баржи, рестораны-поплавки и те суетливые буксирчики, которые в это измочаленное и мертвое утро одни суетились у легендарного крейсера, тихо вздыхавшего на своем приколе.

Мы много больше рассказали здесь о погоде, чем об интересном происшествии, ибо оно займет у нас достаточно страниц в дальнейшем; погода же нам особенно важна и сыграет еще свою роль в повествовании хотя бы потому, что действие происходит в Ленинграде...

...Ветер мчался дальше, как вор, и плащ его развевался.

(Курсив мой. — А. Б.)

Мы склонны в этой повести, под сводами Пушкинского дома, следовать освященным музейным традициям, не опасаясь переключек и повторений, — наоборот, всячески приветствуя их, как бы даже радуясь нашей внутренней несамостоятельности. Ибо и она, так сказать, “в ключе” и может быть истолкована в смысле тех явлений, что и послужили для нас здесь темой и материалом, — а именно: явлений, окончательно не существующих в реальности. Так что необходимость воспользоваться даже тарой, созданной до нас и не нами, тоже, как бы ужалив самое себя, служит нашей цели.

Итак, мы воссоздаем современное несуществование героя, этот неуловимый эфир, который почти соответствует ныне самой тайне материи, тайне, в которую уперлось современное естествознание: когда материя, дробясь, членясь и сводясь ко все более элементарным частицам, вдруг и вовсе перестает существовать от попытки разделить ее дальше: частица, волна, квант — и то, и другое, и третье, и ничто из них, и не все три вместе... и выплывает бабушкино милое слово “эфир”, чуть ли не напоминая нам о том, что и до нас такая тайна была известна, с той лишь разницей, что никто в нее не упирался с тупым удивлением тех, кто считает мир постижимым, а — просто знали, что тут тайна, и полагали ее таковой.

И мы разливаем этот несуществующий эфир в несохранившиеся бабушкины склянки, удивляясь, что тогда каждому вкусу соответствовала своя непраздная форма; мы с удовольствием отмываем слово “флакон” в тепловатой воде, любуясь идеей грани, пока из нее не сверкнет, мьльно и хрустально, луч детства и не осветит радужно желтоватую скатерку, вязанную в чьем-то далеком и немыслимом рукодельном детстве, анисовые капли и градусник со старинным цветом ртути, не изменившимся до сих пор лишь в силу преданности таблице элементов и химической верности... И этот радужный луч осветит чью-то тонкую замотанную шею, мамин поцелуй в темя и великий роман “Три мушкетера”.

И как удивляемся мы внезапной, такой непривычной неспешности и любовности собственных движений, подсказанной лишь фор-

всео
о советск
елом, где от
вы посвящен
ной литера
им литера
охи. Таким
о о полку
азь в тиг
уп разби
й /одной/
ской Руси
зии времен
Сковоро
вили пред
читателями
о восемна
Так мыс
объеди
ем, так
ескими
краин
грузин
д не пе
дает Пуш
шей Роди
го поэти
в поэзии
благода
никает в
ратуре ее
говорить
итературе
о пушкин
без кото
ченков
ушкин
рэ-

Пу
ской
рять не
гах Пушки
ко, но о всех,
взаимных расчет
ских литератур воо
какой литературе мы зад
жали, какой и когда дол
возвращен, какие долги
лишь начинают возвращать
ся в виде переводов, или
же как оригинальное твор
чество, вдохновленное ли
тературой другого народа,
другого языка.

Вопрос здесь следует за
вопросом.

Как появляется в Кара
калпакки сонет и какие
особые национальные при
знаки каракалпакского со
нета?

Почему наш хорей легче
других силлабо-тонических
размеров осваивается язы
ками, знающими лишь инне
системы стихосложения?

Как благодаря переводу
на аварский язык "Медного
всадника" рождается вели
колепный реализм новейшей
поэзии аварцев?

Из всех этих вопросов и
ответов составила бы
большая и полезная книга.

мой и гранью этих склянок, таинственно прорывающей и останавливающей нашу суету...

Роман-музей...

И в то же время попытаемся писать так, чтобы и клочок газеты, раз уж не пошел по назначению, мог быть вставлен в любую точку романа, послужив естественным продолжением и никак не нарушив повествование.

Чтобы можно было, отложив роман, читать свежую и несвежую газету наоборот, отложив газету, полагать, что и не прерывались читать, а еще раз перечитали “Пролог”, чтобы уяснить себе некоторые частные мелочи из намерений автора.

Уповая на такой эффект, рассчитывая на неизбежное сотрудничество и соавторство времени и среды, мы многое, по-видимому, не станем выписывать в деталях и подробностях, считая, что все это вещи взаимноизвестные из опыта автора и читателя.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОТЦЫ И ДЕТИ

Ленинградский роман